

Водоросли на обнажившейся литорали* затвердели, покрылись по краям инеем и ждали прилива, чтобы оттаять в морской воде. А сама вода во фьорде вставала дыбом, стелилась туманом, как всегда бывало в морозы. Но зато наконец-то стало звеняще тихо.

До этого два дня бушевал шторм, в домах дальше, на изгибе фьорда, мигали окна нестабильным электричеством, птицы летали боком, а Ётэр отсиживалась в лодочном сарае. Не то чтобы ей это не нравилось: сарай скрипел, град дробью стучал по его стенам, а она лежала в старой облезлой лодке, подложив под голову белый спасательный круг, и читала разбухшие от влажности книги, которые заимствовала в соседнем заброшенном доме. Но с наступлением полярной ночи, Темного времени, в лодочном сарае объявлялся Ниссе — старик с седой бородой, в заношенном свитере, белом в черную крапинку, и красном колпаке. Он кряхтел, сопел, шмыгал носом и вспоминал одни и те же истории, рассказывал монотонно, как в соседнем доме на нижнем этаже

* Участок берега, который затопляется морской водой во время прилива и осушается во время отлива.

раньше был хлев. И как там было хорошо. А на Юль* хозяйева дома всегда выдавали ему кашу с большим куском сливочного масла.

— Что потом? — не отрываясь от книги, механически спрашивала Утэр.

А потом дом перестроили, нижний этаж тоже сделали жилым. Сдавали приезжим в аренду какое-то время. А ему где прикажете жить? В лодочном сарае напротив? Потом дом и вовсе опустел. Стоит теперь, ветшает на окраине северной рыбацкой деревни.

— Но сейчас зато он полностью твой, а тебе снова не так, — каждый раз говорила Утэр.

— Зачем мне целый дом, если никто в нем не приготовит мне каши? — возражал Ниссе.

— Торчишь в моем лодочном сарае. Ты же знаешь, люди любят держаться стаями. Твоих рыбаков не осталось.

Ниссе вздыхал и молчал. До Юля оставалось четыре дня, но никому не были нужны ни его помощь, ни пригляд за домом, ни удача на год, за которые он просил в награду пустячок, подарок на праздник — миску каши.

За стенами лодочного сарая наступил Розовый час — короткое время рассвета, сразу стремящегося в закат, время отсветов солнца, проходящего бесконечной полярной ночью под горизонтом. Нежная облачная пелена окрасилась в пудровый, лиловый и персиковый. Казалось, она пахнет цветами или конфетами.

Вода поднималась белым дымом вверх, как будто над фьордом блуждали призраки. Земля в худенькой снежной шубке с травянистыми проплешинами мерзла. Обманчивый запах весны, который витал в воздухе, несмотря на декабрь, был унесен штормом в море.

* Название Рождества в Норвегии.

Утэр обернулась выдрой и скатилась на животе по остаткам снега прямо во фьорд, оставляя за собой длинный след.

Вернулась она с горстью морских ежей, выложила их перед Ниссе и с блестящими глазами сообщила:

— Подарки!

Ниссе хмуρο посмотрел на иглистые шарики.

— У чаек обед и то лучше!

— Не глупи, — фыркнула Утэр. — Мы собирали с ними вместе!

Она взяла одного ежа и вгрызлась в него, словно в яблоко.

Ниссе сморщился.

Но вдруг Утэр напряглась, прислушалась, а потом вновь обернулась выдрой и выглянула из-под сарая, который приподнимался над землей на круглых, посеребривших от времени столбиках.

К дому напротив подъехал старенький красный автомобиль с маленьким прицепом.

— У тебя гости, — заметила Утэр.

Ниссе выглянул следом.

— Повезло им, что шторм стих и снег растаял, а так пришлось бы долго искать подъездную дорожку, — сказала Утэр.

— Кто вообще мог пожаловать накануне праздника? — удивился Ниссе. — Это время, чтобы сидеть дома и готовить риббе*.

— Сейчас увидим, — ответила Утэр.

Из машины с водительской стороны осторожно и медленно, словно улитка из раковины, вылезла старушка. Она была в непродуваемых кораллового цвета

* Традиционное норвежское блюдо на Рождество — запеченная свиная грудинка на ребрышках с хрустящей корочкой, порезанной на квадраты.

штанах и куртке и тут же накинула капюшон на пучок седых волос.

— Не знаю, что она тут делает, но мне не нравится ее решительный вид, — сказала Утэр.

— Я все еще хранитель этого места, — напомнил Ниссе.

— Так действуй, или зря я ношу тебе ежей? — фыркнула Утэр.

— Не торопи, у меня все под контролем. Лодочному сараю ничего не грозит. Давай понаблюдаем сначала.

Старушка тоже осмотрелась, а потом отправилась к крыльцу. И хоть сначала она и показалась еще довольно крепкой, но неуверенные шаги и скованность движений выдавали ее возраст.

С годами люди превращаются в деревья.

На крыльце незнакомка порылась в сумке, а потом принялась за замок.

— У нее ключ есть, — заметил Ниссе. — Так что гнать ее нельзя.

— Какой же ты хранитель места, если в твой дом любой может войти! — возмутилась Утэр.

— Она не «любой», а первая живая душа здесь за неизвестно сколько лет, — напомнил Ниссе.

Старушка скрылась в доме, и затаившиеся в лодочном сарае теперь видели только ее силуэт, переходивший из окна в окно.

Утэр скоро наскучило наблюдать, и она хотела было отправиться плавать в море, как вдруг старушка снова вышла. Она открыла дверь гаража, который почти примыкал к дому, и выкатила деревянные сани на длинных полозьях и с высокой спинкой. Опираясь на сани, как на ходунки, старушка двинулась к машине.

— Что она еще задумала? — пробурчала Утэр.

— Поглядим, узнаем, — терпеливо сказал Ниссе.

С опорой старушка стала двигаться увереннее и повеселела. Затаившиеся в сарае видели, что она улыбается.

— Какая красивая! — восхитился Ниссе. — Ее лицо как кусочек коры!

— Это не значит, что ей положены наши сани! — возмутилась Утэр. — Она собирается их забрать! Эй, хранитель! Вон она даже прицеп приволокла!

Старушка остановилась и посмотрела в сторону лодочного сарая. Следящие мигом стали невидимыми, и та открыла багажник.

— Пстой, — прошептала Утэр. — Она не собирается забирать сани. Она собирается разгрузаться!

И правда, старушка уже тянула из багажника сумку.

— Надо помочь ей, — тут же решил Ниссе.

— Нельзя! — испугалась Утэр. — Ты ничего о ней не знаешь! Поможешь, и она должна будет тебе кашу на Юль! Праздник совсем скоро, а есть ли у нее с собой каша? Тем более с маслом!

Но Ниссе не слушал Утэр. Он выскользнул из лодочного сарая. Утэр хотела было схватить его за свитер, но как поймать воздух? Она различала лишь слабые очертания духа, стремящегося к дому.

Ниссе подлетел к старушке, придержал сумку, которую та тянула, и тяжелая неудобная ноша вдруг стала неожиданно легкой.

Старушка теперь запросто достала сумку и поставила ее на сани.

— Дурень, — фыркнула сердито Утэр и тоже вылетела из сарая. Но полетела не к парочке у машины, а на гору, которая нависла над домом.

Утэр устроилась на выступающем камне, который серым драконьим зубом торчал из снега, и стала смотреть вниз, на дом. Рядом с ней вдруг приземлился огромный морской орел и обернулся юношей. Его звали Хавёрн.

— Как жизнь, Утэр? — спросил он, движением головы смахивая с глаз длинную челку, пеструю, как перья орла.

— Гости, предпраздничные хлопоты, — пробурчала Утэр.

Хавёрн посмотрел вниз, где трудились Ниссе и незнакомка.

— Ого! А что духи говорят о ней? Надежная?

Утэр фыркнула:

— Духи? Думаешь, мы кого-то успели спросить? Побежал к ней, как лось на свет фар.

— Тогда что он делает? — нахмурился Хавёрн, пропустив шутку.

Утэр насупилась.

— Она ему, знаете ли, понравилась. У нее лицо, видите ли, как кусочек коры!

Хавёрн рассмеялся:

— Значит, тут мы бессильны.

— Можешь мне подарить одно перо? — неожиданно спросила Утэр.

— Зачем? — удивился Хавёрн. — Я тебе тоже понравился?

— Для дела, — буркнула Утэр.

Хавёрн пожал плечами и кивнул.

— Могу подарить за поцелуй.

Утэр сморщилась, как будто закинула в рот горсть незрелой смородины.

— Ты пугаешь меня своей реакцией, — засмеялся Хавёрн.

Утэр наклонилась к нему и быстро чмокнула в щеку, словно клюнула.

— Теперь перо!

Хавёрн потер щеку.

— Хорошо, что у тебя нет клюва, а то бы ты меня проткнула.

Он превратился снова в орла и вытащил большое светлое перо из своего хвоста.

Утэр стало неловко за свой поцелуй. Хавёрн вот не поскупился. Но было более неловко предлагать второй.

— Спасибо! — сказала она, забирая перо. — Выручил.

Утэр обернулась выдрой, взяла в зубы перо и проскользила на животе по снегу вниз. У дома она затаилась за единственной на весь двор елкой, вытянув тельце вдоль ствола и прижимая заветное перо лапами к брюшку.

А старушка тем временем с невидимой помощью Ниссе выгрузила большие фонари и приладила на дверь венок из искусственных еловых веток. Закончив с багажником, она откинула тент с прицепа. Он скрывал маленькую снегоуборочную машину.

— Да уж, сын был так горд, когда дарил мне ее на Юль. Но как я буду ее вытаскивать? — вслух проговорила старушка. Видимо, она привыкла говорить сама с собой. — В этом весь он. — Она вздохнула, но не печально, а с улыбкой. — Потом решу, может, и не пригодится она мне. С погодой повезло! Хотя и снега на праздник хочется!

Розовый час миновал, Темное время словно схлопнуло створки раковины. Чернота полярной ночи уже казалась привычной, а проблеск света — даром.

Старушка достала из сумки толстые свечи и поставила их в фонари. Хотела зажечь спичками, но руки слушались плохо, поэтому, вздохнув, она еще порылась в сумке и достала зажигалку с длинным металлическим носиком.

Потом включила гирлянды, работающие каким-то неведомым для Утэр способом, которыми они с Ниссе увидели перила крыльца. Даже венок на двери теперь мигал огоньками.

Старушка снова спустилась с крыльца. Прозрачный Ниссе встал рядом. Оба смотрели на дом. Утэр видела даже в призрачных очертаниях соседа, как он сияет от счастья.

Утэр тоже посмотрела на дом. Теперь он выглядел *живым*, как и другие дома на берегу фьорда. Уютным. Теплым. Правда, для Утэр это ничего не значило, но она понимала, что чувствует сейчас Ниссе — домашний дух.

Понимала, но продолжала не одобрять.

Ниссе перевел взгляд на старушку, а та вдруг подалась вперед и скрылась в доме. Пошла пить чай, наверное. Люди любят, вернувшись с улицы, пить чай. А Ниссе теперь глядел на снегоуборочную машину, и та покорно полетела из прицепа к гаражу. Утэр закатила глаза.

— Мало того, что сам надрывается, да еще и у этой сердце остановится, если она вдруг увидит, — пробурчала Утэр себе под нос.

Хорошо, что темнота скрывала фокусы духа.

Наконец Ниссе побрел к лодочному сараю, медленно переставляя ноги. Он тоже устал, отяжелел, но при этом остался прозрачным, словно сосулька. Ниссе бубнил себе под нос:

— Да, маловато у меня теперь сил, даже в Темное время. Давно не ел я каши с маслом, только эти противные ежи.

— Морские ежи ему не нравятся, — бурчала Утэр за деревом. — Если бы не они, давно бы исчез, никому не нужный. Свалились на меня две развалины.

Наконец Ниссе скрылся в сарае. Утэр подбежала к снегоуборщику и воткнула рядом перо.

— Тягает такую махину, а потом жалуется на слабость, — фыркнула Утэр. — Но теперь эта точно поймет, что ей помог местный дух. И на Юль его, как и полагается, надо наградить кашей.

Довольная собой Утэр поскользила на пузе к лодочному сараю.

Ниссе лежал в ее лодке, прикрыв ноги дерюжкой, и рассматривал книгу с картинками из запасов Утэр. Как

только он заметил соседку, сразу сказал, широко улыбаясь:

- Я прочитал ее имя на чемодане!
- И что?
- Ее зовут Анна!
- И что?

Но Ниссе уже улыбался своим мыслям, глядя в потолок.

Утэр закатила глаза.

Весь следующий день жильцы сарая наблюдали за жильцом дома. В Розовый час Анна вышла на прогулку и не спеша обошла дом, шаг за шагом рассматривая его со всех сторон.

Она остановилась возле снегоуборочной машины.

— Смотри, — сказал Ниссе, — какое красивое перо скинул орел.

— Какое красивое перо от орла! — вслед за ним радостно повторила Анна. — Вот удача!

Она медленно согнулась, подобрала его и двинулась к фьорду.

— Подождите, а снегочистка? — промолвила Утэр и удивленно посмотрела на Ниссе. — Ты знал, что она воспримет это как должное?

Ниссе улыбался. Но улыбка в этот раз была какая-то особенная — светлая и грустная одновременно.

— У ее деда было так же, когда ему недолго оставалось. Старики — они же как дети. Многие воспринимают как должное.

— У деда?

Теперь уже Ниссе посмотрел на Утэр изумленно:

— Это же Анна. Внучка хозяина дома. Ты не помнишь?

Утэр пожала плечами:

— Ну да, кто-то давно приезжал. Какая-то девочка все крутилась, да. Я особо тут не гуляла, когда дом был полон людей.

— Это она, — снова широко улыбнулся Ниссе и добавил, с нежностью глядя на старушку: — Такая хрупкая. Утэр пренебрежительно зевнула.

— Как скорлупка морского ежа, — добавил Ниссе.

Утэр посмотрела на старушку внимательнее. И правда, в своей кораллового цвета куртке она походила на лишнего иголок, выброшенного на берег морского ежа.

Анна смотрела на фьорд, пока Розовый час не стал увядать, а потом пошла обратно к дому.

На кухне зажегся свет. Анна приготовила себе чай. Потом ее силуэт в своей особенной медленной суете снова заскользил из окна в окно.

— Она убирает дом, — понял Ниссе. — Пойду помогу ей.

— Чем ты ей поможешь?

— Тяжести поднимать. Подстраховать. Она же как сухой листочек.

И он невидимкой полетел к дому.

Утэр вздохнула и отправилась в лодку читать.

К вечеру Ниссе вернулся.

— Ну как? — спросила Утэр, выглядывая из лодки. — Как там сухой листочек?

— Она расстроена, — грустно ответил Ниссе, видимо, сам опечаленный не меньше хозяйки дома.

— Ты расстроил?

— Конечно нет! — возмутился Ниссе. — Она искала елку и елочные игрушки. Ей казалось, что они были, но их нет.

— И что она будет делать? — спросила Утэр. — Пойдет в деревню? Может, и кашу заодно купит, если не запаслась.

— Она не собирается в деревню. И каши, мне кажется, у нее и правда нет, — признался Ниссе.

— Нет каши?! — воскликнула Утэр.

Она хоть и догадывалась об этом, но все равно надеялась. Как и Ниссе. Тот молчал.

— Жаль, что у нас нет елочных игрушек, — вздохнула Утэр.

— Тебе жаль? — удивился Ниссе.

— Да. Отдал бы ей. И напросился бы на праздник. Тебе надо что-то съесть в праздник. Раз не принесет каши, придется встречать Юль с ней.

— Я думаю, игрушки ей привезут близкие. Не будет же она одна в семейный праздник, — возразил Ниссе.

— Ага, они просто послали подготовить дом к празднику самую молодую, — фыркнула Утэр.

— Самую свободную, — пожал плечами Ниссе. — Это хорошее дело на пенсии.

— Уехать в старый дом, о котором все это время помнили только духи.

— Но ей звонят по телефону. Узнают, как дела, я слышал, — возразил Ниссе.

— Вот пусть и везут ей кашу, — пробурчала Утэр.

— Согласись, уютнее, когда дом жилой, — сказал вдруг Ниссе из глубины сарая.

— Это ваши заморочки, домашних духов, — ответила Утэр.

А ночью пошел снег, огромными хлопьями, наряжая землю к Юлю. Рыхлый и пушистый, Утэр не любила такой, по нему неудобно было кататься на пузе. Нужно тогда ждать, чтобы ветер пригладил его, чтобы он затвердел немного, как корочка на пироге в духовке.

Из-за ненастья Розового часа сегодня не было, просто серые сумерки разрезали черное покрывало Темного времени на пару часов.

Утэр смотрела в сторону дома, ожидая, когда на прогулку выйдет Анна. Вот она появилась, смахнула снег с крыльца жесткой метлой и, тяжело прокладывая себе путь, направилась к снегоуборочной машине. Та уже превратилась в сугроб, торчала только черная петля ручки. Анна постояла возле нее задумчиво, по щиколотку уйдя в снег, словно увязнув в белой трясине, и отправилась снова домой.

Утэр обернулась, чтобы доложить обстановку Ниссе, и увидела, что тот уплотняется, становится ярче. Становится реальнее. Прихорашивается: разглаживает седую бороду, поправляет красный колпак. Перед ней стоял теперь высокий и худой старик. Человек.

— Для чего это? — спросила Утэр. — Не помню, когда ты в последний раз уплотнялся настолько.

— Надо помочь Анне, — ответил Ниссе.

— Ты умеешь обращаться с такими штуками? — усомнилась Утэр. — С этой снегочисткой?

— Видел в деревне. Разберусь.

— Раскидай снег невидимкой.

Ниссе посмотрел на Утэр укоризненно.

— Анна, может, ведет себя иногда странновато, но из ума она еще не выжила.

— Тебе, конечно, виднее, — развела лапами Утэр.

— Ты же сама сказала, что я должен напроситься на праздник. Как я сделаю это?

— Как все другие ниссе, магическими намеками, а не идти на свидание.

Так как Ниссе уже достаточно уплотнился, то невольно покраснел.

— Я просто помогу почистить снег!

Ниссе подошел к воротам сарая и толкнул одну створку, но та не поддавалась из-за снега.

— Можешь пролезть снизу, — съехидничала Утэр.

Ниссе подергал створку туда-сюда, чтобы образовалась щель, в которую можно было бы пролезть на улицу.

— Во что ты впутываешься? — вздохнула Утэр. — Она просто обычный неблагодарный человек.

— Мне все равно, — сказал Ниссе и вышел.

Утэр тяжело вздохнула, обернулась невидимкой и отправилась следом, разглаживая следы Ниссе. Раз уж Анна еще не выжила из ума, то мужчина, пришедший прямоком из лодочного сарая, ей точно не понравится.

Утэр скользнула за елку, на свой наблюдательный пост, а Ниссе тем временем в задумчивости стоял у снегоборщика.

«Видеть — это не самому пользоваться», — злорадно подумала Утэр.

Ниссе глянул в окно дома. Анна стояла к нему спиной и разговаривала по телефону, видимо, пыталась узнать, как совладать с этой штукой.

Тогда Ниссе взял из гаража обыкновенную лопату и стал чистить снег привычным способом.

Анна вышла на крыльцо.

— Здравствуйте! — окликнула она неожиданного помощника.

Ниссе распрямился и улыбнулся ей:

— Здравствуйте, соседка! Я из деревни. Часто прогуливаюсь здесь.

И он махнул в сторону других домов дальше по фьорду.

Анна проследила за его движением и вежливо улыбнулась.

— Вижу, что дом ожил. Думаю, надо помочь, — добавил он.

— А я подумала, что вы ниссе. — Анна указала на его красную шапку.

Ниссе по-доброму засмеялся.

— Скоро Юль. Радую детишек. Меня Нильсом зовут. — Он протянул руку.

И она вложила в нее свою, хрупкую и дрожащую, словно маленькая птичка.

— А меня Анной.

Ниссе бережно пожал ее руку, чуть дольше, чем требовал этикет, а Анна добавила:

— Спасибо за помощь! Сын подарил мне эту машину, но я понятия не имею, как ею пользоваться, а инструкцию куда-то задевала.

— Я тоже не умею, — улыбнулся Ниссе. — Я за старую добрую лопату!

У Ниссе была такая счастливая открытая улыбка, что Утэр подумала: если бы она была человеком, особенно старой дамой, то пригласила бы этого пожилого джентльмена на чай. Анна словно услышала ее мысли и сказала:

— Я бы пригласила вас на чай, но только обживаюсь. Дом долго пустовал.

Ниссе кивнул:

— Я знаю.

Анна смущенно-виновато улыбнулась.

— Да, маленькие деревни. Это дом моего деда. Никак не продавался сначала, а потом его оставили как дачный. Но что-то желающих сюда приезжать не нашлось. Вот только я за все эти годы... вспомнила.

— И вы решили встретиться тут Юль?

Анна неопределенно пожала плечами. В своей толстой куртке она была похожа на цыпленка, спрятанного в рукавицу.

— Да, решила встретиться.

— Не забудьте про кашу для ниссе, — улыбнулся он, потянув себя за колпак.

Анна засмеялась.

— Он приносит удачу? Удача мне уже не нужна.

— Вы не верите в ниссе?

— Ниссе я не встречала. Но я точно знаю, что в лодочном сарае живет выдра.

Ниссе обернулся и посмотрел на сарай. Он увидел только белую простыню снега. Без следов. И мысленно поблагодарил за это Утэр.

— Но выдра эта не простая, — продолжила Анна. — Она тролль.

Ниссе резко повернулся и удивленно посмотрел на Анну. Она, увидев его изменившееся лицо, снова виновато улыбнулась, смущенно кашлянула и быстро сказала, переводя тему:

— Вчера я нашла перо морского орла. Помню их с детства. Они всегда прилетали сюда зимой, а весной пропадали. Я любила раньше ходить по фьорду и собирать такие сокровища.

— Видимо, так приветствуют вас эти места, — улыбнулся Ниссе. — Можем вместе прогуляться. Я люблю гулять. И тоже люблю такие сокровища.

Утэр за елкой закатила глаза. И как теперь оставлять намекающие подарки, ведь Анна будет думать, что это дело рук доброго соседа, а не добрых духов.

Утэр невидимкой скользнула в лодочный сарай. Нужно было первой занять лодку, пока герой-любовник побредет дальше по дороге, делая вид, что просто гуляет. Она взяла рекламный журнал, который с другими похожими когда-то неведомым образом попал в почтовый ящик пустующего дома, и принялась изучать древние скидки.

Вскоре Ниссе вернулся в сарай.

— Ну что, напросился на праздничный ужин? — сразу спросила Утэр. — Или пока тебе даже чашку чая за труды не предложили?

— Я не хочу, чтобы она думала, что я с ней из-за каши, — тихо сказал Ниссе.

Утэр хрюкнула, давясь смехом, и прикрыла лицо журналом.

А Ниссе вспомнил важную новость.

— Она знает, что ты живешь в лодочном сарае и что ты тролль.

— И что? Я тоже ее знаю, — откликнулась Утэр.

— Почему ты не говорила мне об этом? — удивился Ниссе. — Ты ведь ее даже не вспомнила сначала?

Но Утэр ответила мрачно:

— Потом вспомнила. И у нас с ней свои тайны. На то они и тайны, чтобы о них не рассказывать.

Снежный день резко сменился на морозный, и Розовый час выдался особенно красивым. По небу плыли маленькие пухлые розовые облачка, словно обрывки сладкой ваты.

Ниссе широко распахнул ворота, и лодка поплыла низко над снегом к воде. Утэр в образе выдры была внутри лодки и протестовала:

— Я первая ее нашла! Это мое!

— Она не для того, чтобы читать отсыревшие книги, у нее другое предназначение, — упорствовал Ниссе. — А тебя попрошу помочь мне, чтобы прогулка обошлась без происшествий.

— Ох, ладно, — пробурчала Утэр и плюхнулась из лодки в воду.

Как всегда, в этот час из дома вышла Анна. Поглядела на лодку, потом на соседа и двинулась к берегу. Она